

УДК 347.6

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS100010>

Ограничение принципа гласности судебного разбирательства по делам об усыновлении (удочерении) детей

О.Н. Шеменева

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

Аннотация. В публикации анализируется проблема целесообразности действия принципа гласности при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей. Автор отмечает, что для этого существуют довольно серьезные основания: необходимость защиты интересов усыновителей, которые принимают непростое решение принять в семью ребенка в надежде на то, что он будет считать их своими родителями, и, основываясь на этом, они смогут строить общение с ним и его воспитание; необходимость защиты интересов детей, наиболее полное воспитание и развитие которых возможно в случае, если они убеждены в том, что они растут в своей родной семье; необходимость защиты интересов биологических родителей, которые могут не желать огласки того, что они были вынуждены передать своих детей на усыновление, и многие другие причины. С другой стороны, отмечается и заинтересованность общества в доступе к информации о данной категории дел ученых, специализирующихся в самых различных областях знаний (юристов, социологов, педагогов, психологов и др.); потенциальных усыновителей, которые заинтересованы в том, чтобы получить исчерпывающее представление о том, с чем им предстоит столкнуться при осуществлении намерения принять в семью ребенка, о подобном опыте известных и популярных людей. По результатам исследования предлагается сформулировать процессуальную норму, гарантирующую соблюдение тайны усыновления (удочерения) детей следующим образом: «суд обязан провести закрытое судебное заседание при наличии ходатайства об этом усыновителей».

Ключевые слова: усыновление (удочерение); гражданское судопроизводство; принцип гласности; конфиденциальная информация; родители; дети.

Как цитировать:

Шеменева О.Н. Ограничение принципа гласности судебного разбирательства по делам об усыновлении (удочерении) детей // Российский журнал правовых исследований. 2022. Т. 9. № 1. С. 67–72. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS100010>

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS100010>

Limitation of the Principle of Publicity in Child Adoption Cases

O.N. Shemeneva

Voronezh State University, Voronezh, Russia

ABSTRACT: The article analyzes the advisability of limiting the principle of publicity in the consideration of civil cases regarding child adoption. The substantial reasons for this are as follows. First, the need to protect the interests of the adoptive parents who make the difficult decision to accept a child into the family in the hope that the child will consider them as his parents through which they can build a communication with him and his upbringing. Second, the need to protect the interests of children whose full upbringing and development are possible if they are convinced that they are growing up in their home family. Third, the need to protect the interests of biological parents who may not wish to publicize that they were forced to transfer their children for adoption and many other reasons. Meanwhile, the interest of society to access information about this category is also noted by scientists specializing in various fields of knowledge, lawyers, sociologists teachers, psychologists, and potential adoptive parents who wish to further understand what child adoption entails in their future and the experience of recognized members of society regarding child adoption. Thus, a procedural rule guaranteeing the secrecy of child adoption is formulated as follows: “the court is obliged to hold a closed court hearing if there is an application for this by the adoptive parents”.

Keywords: adoption; civil proceedings; the principle of publicity; confidential information; parents; children.

To cite this article:

Shemeneva ON. Limitation of the principle of publicity in child adoption cases. *Russian journal of legal studies*. 2022;9(1):67–72. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS100010>

Received: 01.02.2022

Accepted: 22.02.2022

Published: 20.03.2022

Принцип гласности судебного разбирательства — это один из важнейших принципов гражданского процессуального права. Его суть раскрывается в ст. 123 Конституции РФ и в ст. 10 Гражданского процессуального кодекса (далее — ГПК РФ), в которых закреплено, что «...по общему правилу рассмотрение всех гражданских дел является открытым, на судебных заседаниях могут присутствовать все желающие граждане»¹. Данный принцип, как отмечается различными поколениями исследователей:

- «... дает возможность обществу контролировать деятельность судей;
- повышает ответственность судей за выносимые решения;
- удерживает граждан от необоснованных исков, ложных заявлений в силу боязни общественного мнения;
- побуждает к добросовестному выполнению своих функций участников процесса;
- влияет на юридическое развитие общества, поскольку благодаря гласности граждане получают возможность знакомиться с действующим правом в его практическом осуществлении;
- влияет на развитие науки права, так как ученые имеют возможность знакомиться с судебными решениями и пользоваться судебной практикой»².

Однако действие практически любого принципа гражданского процесса может быть ограничено по тем или иным основаниям. В этом плане не является исключением и принцип гласности, который среди прочего находит свое проявление в проведении открытых заседаний суда. В ст. 6 Европейской конвенции прав человека и основных свобод указано, что «...судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или — в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо — при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия»³. По сути о том же речь идет в ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах⁴.

¹ Гражданский процесс: учебник для студентов высших юридических учебных заведений / Под ред. В.В. Яркова. 11-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2021. С. 46.

² Гражданский процесс: учебник / В.В. Аргунов, Е.А. Борисова, Н.С. Бочарова и др.; под ред. М.К. Треушниковой. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. С. 78–79.

³ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

Статья 123 Конституции РФ также говорит о допустимости проведения закрытых заседаний суда в случаях, предусмотренных федеральным законом. И, согласно российскому гражданскому процессуальному законодательству:

1) суд *обязан в силу прямого указания закона* (курсив мой — О.Ш.) рассматривать в закрытых заседаниях дела, содержащие сведения, составляющие государственную тайну и тайну усыновления (удочерения) ребенка;

2) суд *вправе* рассмотреть дело в закрытом заседании *при удовлетворении соответствующего ходатайства лица, участвующего в деле* (курсив мой — О.Ш.), ссылающегося на необходимость сохранения коммерческой или иной охраняемой законом тайны, неприкосновенность частной жизни граждан или иные обстоятельства, гласное обсуждение которых способно помешать правильному разбирательству дела либо повлечь за собой разглашение указанных тайн или нарушение прав и законных интересов гражданина.

Учитывая, что судебный порядок усыновления в нашей стране просуществовал уже значительное время — двадцать пять лет, вполне закономерно будет задаться вопросом: а насколько оправдана приведенная выше формулировка закона об обязанности суда вне зависимости от соответствующего ходатайства заинтересованных лиц (по смыслу российского законодательства — усыновителей) рассматривать дела об усыновлении детей в закрытых заседаниях с целью сохранения его тайны и, как следствие — невозможность доступа интересующихся лиц к материалам данных дел и к иной информации о них? Этот вопрос очень серьезный, так как он касается проблемы ограничения действия одного из основополагающих российских и международных принципов осуществления правосудия.

В основе норм, предусматривающих исключения из правила, представляющего собой одно из основных демократических достижений, должны лежать веские основания. И применительно к делам рассматриваемой категории они, безусловно, есть. Это и необходимость защиты интересов усыновителей, которые принимают непростое решение принять в семью ребенка в надежде на то, что он будет считать их своими родителями, и, основываясь на этом, они смогут строить общение с ним и его воспитание. Это и необходимость защиты интересов самих детей, наиболее полное воспитание и развитие которых (особенно в раннем возрасте) возможно в случае, если они убеждены в том, что они растут в своей родной семье. Это и интересы биологических родителей, которые могут не желать огласки того, что они были вынуждены передать своих детей на усыновление, и многие другие причины.

Но в любом случае закон, устанавливая тайну усыновления, охраняет интересы частных лиц и, прежде всего, интересы усыновителей. Согласно российскому законодательству исключительно от их усмотрения зависит, будет ли сохранена эта тайна в каждом конкретном случае.

И в этом нетрудно убедиться, обратившись к Семейному и Уголовному кодексам РФ, предусматривающим различные виды ответственности за разглашение тайны усыновления: оба кодекса говорят, что она наступает только за разглашение данной тайны вопреки воле усыновителя (ст. 139 СК РФ, ст. 155 УК РФ).

Помимо нежелания самих усыновителей хранить в тайне сведения об усыновлении, есть еще масса случаев, когда сохранить эту тайну невозможно и ненужно. Например, если усыновляется ребенок, который достиг десяти лет, и, соответственно, суд обязан выяснять его согласие на усыновление; если у усыновителей и усыновляемого разная национальность или раса; если усыновители — граждане государства, в котором тайна усыновления не охраняется законом, а также многие другие случаи.

Кроме того, следует заметить, что действующее законодательство, оставляющее на усмотрение судьи необходимость проведения закрытого заседания по делам, которые могут содержать информацию, составляющую иные личные или семейные тайны, в принципе допускает ситуацию, при которой ребенок, считающий того или иного мужчину или женщину своими отцом или матерью, либо иные лица могут в ходе такого дела выяснить, что в действительности они не являются его родителями. Например, это возможно в случае разглашения факта добровольного признания отцовства мужчиной, который им на самом деле не является, применения методов искусственной репродукции человека и т.п. Очевидно, что в результате разглашения данных сведений могут наступать те же негативные последствия, что и при разглашении тайны усыновления (удочерения) ребенка.

Если обратиться к общемировой практике, мы увидим, что сегодня существуют противоположные подходы к решению вопроса о необходимости сохранения тайны усыновления.

Первый подход — закрытый. Он предполагает, что у ребенка прекращаются имущественные и личные неимущественные правоотношения с родителями и другими родственниками и происходит полное «погружение» ребенка в семью усыновителей. Такой подход свойственен законодательству Российской Федерации, где усыновление традиционно рассматривается как особого рода «тайнство»⁵, которое следует охранять от любого внешнего вмешательства.

Во-вторых, открытый подход. «Данный подход начал зарождаться в странах западной культуры в связи с увеличением количества трансграничных усыновлений детей, а также развивающейся медициной, которая дает возможность парам, не имеющим детей, обратиться за помощью в медицинские центры

⁵ Семейное право: Учебник / Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинников, Л.Ю. Михеева и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. С. 258.

репродукции. Ребенок знает как родителей и кровных родственников, так и новую семью усыновителей и их родственников. При данной процедуре тайна личности родителя и тайна записи об усыновлении в учете органов записи актов гражданского состояния не имеют актуального характера» [1]. Возможность перехода к такому режиму с отказом от тайны усыновления принципиально допускалась и в Российской Федерации⁶. Однако данная идея подверглась критике [2] и не была реализована.

Упоминание о тайне усыновления не содержится в наиболее значимых европейских конвенциях по данному вопросу — в Европейской конвенции об усыновлении детей⁷ и в Конвенции об юрисдикции, применимом праве и признании решений об усыновлении⁸. Россия к данным конвенциям, как известно, не присоединилась. Однако она является участницей Конвенции о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления, которая содержит лишь указание на то, что центральный орган страны происхождения «передает центральному органу принимающего государства свой доклад о ребенке, <...> не раскрывая тайны личности матери и отца, если в государстве происхождения они не должны быть раскрыты»⁹. То есть данная конвенция, в первую очередь, направлена на охрану тайны родителей, которые по тем или иным причинам отказались от прав в отношении ребенка и согласились на его усыновление (удочерение).

Некоторые двусторонние соглашения Российской Федерации с зарубежными государствами по вопросам усыновления (удочерения) детей содержат более общее положение о том, что при обмене информацией «центральный орган государства происхождения обеспечивает конфиденциальность полученной информации и использует ее в целях защиты прав и законных интересов усыновленных детей»¹⁰. В то же время есть и соглашения, в которых вообще не содержится упоминания о конфи-

⁶ См.: Указ Президента РФ от 01.06.2012 № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 23. Ст. 2994.

⁷ Европейская конвенция об усыновлении детей (ETS N 58) (заключена в г. Страсбурге 24.04.1967 с изм. от 27.11.2008) // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Конвенция об юрисдикции, применимом праве и признании решений об усыновлении (заключена в г. Гааге 15.11.1965) // Международное частное право. Сборник документов. М.: БЕК, 1997. С. 669–674.

⁹ Конвенция о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления (заключена в г. Гааге 29.05.1993) // Международное частное право. Сборник документов. М.: БЕК, 1997. С. 712–720.

¹⁰ Договор между Российской Федерацией и Королевством Испания о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей (подписан в г. Мадриде 09.07.2014) // СЗ РФ. 2015. № 15. Ст. 2202; Договор между Российской Федерацией и Французской Республикой о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей (подписан в г. Москве 18.11.2011) // СЗ РФ. 2014. № 46. Ст. 6260; Договор между Российской Федерацией и Государством Израиль о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей (подписан в г. Иерусалиме 22.01.2020) // СПС «КонсультантПлюс» (на момент сдачи рукописи в редакцию документ не вступил в силу).

денциальности информации, относящейся к усыновлению (удочерению) детей иностранными лицами¹¹.

В связи с изложенным думается, что гражданское процессуальное законодательство России, закрепляющее безусловную обязанность суда рассматривать дела об усыновлении в закрытых заседаниях и лишаящее отдельных заинтересованных лиц и общество в целом права на получение информации о рассмотрении данной категории дел, не вполне логично.

Дело в том, что, как верно замечено, «поскольку ограничение права осуществляется не вообще, а для обеспечения чьих-то реальных, конкретных прав и интересов, субъекты с ограниченными правами должны рассматриваться в неразрывной связи с субъектами, в интересах которых они ограничены. Это позволит с большей степенью достоверности установить эффективность и обоснованность таких ограничений» [3]. Что же касается рассматриваемой категории дел, то, как было отмечено выше, на практике возможны многочисленные ситуации, при которых не окажется ни одного лица, заинтересованного в сохранении в тайне информации об усыновлении (удочерении) ребенка. И, соответственно, не будет абсолютно никакой необходимости в ограничении одного из основных принципов гражданского судопроизводства при их рассмотрении — принципа гласности.

При этом можно утверждать, что потребность в получении такой информации есть у многих. Так, доступ к ней может способствовать более детальному изучению рассматриваемого института специалистами различных отраслей знаний: юристами, социологами, педагогами, психологами и др., в то время как на сегодняшний день они такой возможности лишены.

Лица, желающие принять в семью ребенка, получив право присутствовать при рассмотрении и разрешении дел об усыновлении или знакомиться с материалами таких дел, смогут получить и довольно полное представление о том, с какими сложностями им предстоит столкнуться при реализации намерения принять в семью ребенка.

Также важно и то, что воля усыновителя, выраженная в заявлении (или его отсутствии) о рассмотрении дела в закрытом либо же открытом судебном заседании,

привносила бы ясность относительно того, планирует ли он сохранять факт усыновления в тайне или не планирует. А это в свою очередь может иметь принципиальное значение для лиц, которые в соответствии с законом (напомним, в том числе и уголовным) несут ответственность за разглашение тайны усыновления.

Кроме того, необходимо помнить, что у усыновителей есть как право на сохранение тайны усыновления, так и конституционное право на рассмотрение их дел в открытых судебных заседаниях. И логично предположить, что выбор того, каким из данных взаимоисключающих правомочий воспользоваться, должен принадлежать их обладателю. На необходимость стремиться к установлению равновесия между конкурирующими правами и интересами заинтересованных лиц по такого рода делам неоднократно указывалось в актах Европейского Суда по правам человека по делам, связанным с вопросами раскрытия информации об усыновлении (доступа к такого рода информации) и в практике российских судов¹².

Изложенное приводит к выводу о том, что ст. 10 ГПК РФ, предусматривающая, что разбирательство дел проводится в закрытых судебных заседаниях 1) независимо от усмотрения суда и ходатайства сторон в случаях, предусмотренных законом, либо 2) по усмотрению суда и при наличии ходатайства сторон, нуждается в дополнении третьей законодательной конструкцией применительно к рассматриваемой категории дел. Учитывая, что право усыновителей на охрану тайны усыновления подлежит строжайшей защите, но только в случае, если они сами этого желают, думается, что законодательная формулировка, содержащая процессуальную гарантию сохранения данной тайны, должна предусматривать, что *суд обязан провести закрытое судебное заседание при наличии ходатайства* об этом усыновителей.

Предлагаемое изменение ст. 10 ГПК РФ, как представляется, будет более правильно выражать смысл и значение принципа гласности гражданского судопроизводства и предоставлять заинтересованным лицам возможность, по крайней мере, ограниченного доступа к информации о том, как осуществляется правосудие по данной категории дел.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зубарева О.Г. Тайна усыновления: вопросы регулирования и правоприменения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 8. С. 11–13.
2. Трофимова Г.А. Нравственное невежество как основа государственной девиантной деятельности // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 12. С. 47–54.

3. Камышанский В.П. Ограничения права собственности (гражданско-правовой анализ): автореф. д-ра юрид. наук. СПб., 2000. 50 с.

¹¹ См., например: Договор между Российской Федерацией и Итальянской Республикой о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей (подписан в г. Москве 06.11.2008) // СЗ РФ. 2010. № 5. Ст. 462.

¹² См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 6.

REFERENCES

1. Zubareva OG. Taina usynovleniya: voprosy regulirovaniya i pravoprimereniya. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 2016;(8): 11–13. (In Russ.).
2. Trofimova GA. Nravstvennoye nevezhestvo kak osnova gosudarstvenoy deviantnoy deyatel'nosti. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoye pravo*. 2020;(12):47–54. (In Russ.).
3. Kamyshansky VP. Ogranicheniya prava sobstvennosti (grazhdansko-pravovoy analiz): avtoref.d-ra urid. nauk. Saint-Petersburg, 2000. 50 p. (In Russ.).

ОБ АВТОРЕ

Ольга Николаевна Шеменева, доктор юридических наук, доцент; e-mail: shon_in_law@mail.ru

AUTHOR INFORMATION

Olga N. Shemeneva, doctor of law, associate professor; e-mail: shon_in_law@mail.ru